

лугъ; на немъ удобно могли пастись наши верблюды. При томъ мѣсто это находилось нѣсколько въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги и густого населенія, такъ что мы до извѣстной степени избавлялись отъ «зрителей». Нужно на дѣлѣ испытать всю назойливость этихъ послѣднихъ въ Китаѣ, чтобы вполне оцѣнить благополучіе уединенной стоянки. Са-чжеускія власти, выславшія къ намъ на встрѣчу нѣсколькихъ человекъ, предлагали остановиться въ самомъ городѣ или возлѣ него, но я рѣшительно отклонилъ подобное предложеніе и самъ выбралъ мѣсто для бивуака. Если бы съ нашимъ караваномъ забраться въ китайскій городъ, то можно ручаться, что дни, здѣсь проведенные, были бы днями истинныхъ мученій отъ назойливой и грубой толпы. Я уже испыталъ это въ 1871 году въ городахъ Бауту и Дынъ-ху ¹⁾. Съ тѣхъ поръ мы располагали свой бивуакъ всегда подальше отъ города, и уже отсюда ѣздили за необходимыми покупками. Такъ поступили и въ Са-чжеу. За то ежедневно посылаемые въ городъ переводчикъ и одинъ или двое казаковъ, испивали до дна чашу нахальнаго любопытства и грубаго отношенія китайцевъ къ чужеземцамъ.

Обыкновенно, съ первымъ же шагомъ посланныхъ въ городскія во-
рота, являлись «зрители», которыми были всѣ встрѣчные китайцы. Иные, завидя чужеземцевъ издали, забѣгали въ дома и давали знать о необыкновенномъ событіи. Изъ этихъ домовъ, изъ лавокъ и изъ боковыхъ улицъ, словомъ, отовсюду сбѣгались любопытные, толкались, давили другъ друга, лишь бы поближе взглянуть на «заморскихъ дьяволовъ». Въ нѣсколько минутъ скоплялась громадная толпа, запружавшая улицу и двигавшаяся слѣдомъ за янь-гуйзами. Мальчишки и даже взрослые забѣгали впередъ, останавливались, пристально смотрѣли, смѣялись и громко передавали свои впечатлѣнія; по временамъ изъ толпы слышался возгласъ «янь-гуйзы,» иногда съ приложеніемъ ругательствъ. Но вотъ наши посланные останавливаются, слѣзаютъ съ лошадей и входятъ въ лавку или подъ навѣсъ рыночныхъ лотковъ. Толпа также останавливается и плотною стѣною окружаетъ переводчика и казаковъ. Болѣе назойливые начинаютъ ощупывать платье, обувь, руки, ноги и снимать фуражки съ головы; при этомъ общій смѣхъ и различныя остроты. Нашъ переводчикъ Абдуль, говорящій, хотя и плохо, по китайски, съ своей стороны не даетъ спуску и ругаетъ нахаловъ; но эта ругня возбуждаетъ еще большій смѣхъ. По временамъ казакъ отмахиваетъ въ сторону то того, то другого изъ лѣзущихъ на него китай-

Назойливость
городской тол-
пы.

¹⁾ См. «Монголія и страна Тангутовъ», Т. I. стр. 121—125 и 151—156.